

EDN: EFKMLJ
УДК 304.2

Russian Youth Outside the Comfort Zone: Experiencing Uncertainty and Political Phantoms

Olga A. Karlova^a and Oleg V. Myasoutov^b*

^a*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

^b*Siberian Institute of Business, Management and Psychology*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 24.04.2023, received in revised form 28.04.2023, accepted 31.05.2023

Abstract. The article is devoted to the trends of Russian youth culture that emerged during the restrictions of the pandemic, Western sanctions and the conduct of a special military operation. The article assesses the role of students distancing from the key military and social events of the moment in the process of experiencing social uncertainty and a «premonition of existentiality» of the modern confrontation between Russia and the West. The features of the conflict between the students «culture of the desired present» and the phenomenon of the «culture of cancellation» promoted by the West, on the one hand, and manifestations of the unity of Russian society, on the other, are clarified. The foundations of youth political preferences are revealed, in particular, the influence of new technological reality and «cinematic scenarios» in politics on their formation.

Keywords: russian youth, student subculture, youth «culture of the desired present», political meanings, political practices, «cinematic scenarios» of politics, new technological reality, value orientations, pandemic restrictions, sanctions, cancellation culture.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Karlova O.A., Myasoutov O.V. Russian youth outside the comfort zone: experiencing uncertainty and political phantoms. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(7), 1208–1221. EDN: EFKMLJ

Российская молодежь вне зоны комфорта: переживание неопределенности и политические фантомы

О.А. Карлова^а, О.В. Мясоутов^б

^аСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

^бСибирский институт бизнеса, управления и психологии
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена трендам российской молодежной культуры, намечившимся в период ограничений пандемии, западных санкций и проведения специальной военной операции. В статье оценивается роль дистанцированности студенчества от ключевых военных и социальных событий момента в процессе переживания им социальной неопределенности и «предчувствия экзистенциальности» современного противостояния России и Запада. Уточняются особенности конфликта сформировавшейся у студентов «культуры желаемого настоящего» с феноменом продвигаемой Западом «культуры отмены», с одной стороны, и проявлениями единства российского общества – с другой. Выявляются основания молодежных политических предпочтений, в частности, влияние на их формирование новой технологической реальности и «кинематографических сценариев» в политике.

Ключевые слова: российская молодежь, студенческая субкультура, молодежная «культура желаемого настоящего», политические смыслы, политические практики, «кинематографические сценарии» политики, новая технологическая реальность, ценностные ориентации, ограничения пандемии, санкции, культура отмены.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Карлова О. А., Мясоутов О. В. Российская молодежь вне зоны комфорта: переживание неопределенности и политические фантомы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(7), 1208–1221. EDN: EFKMLJ

Научная дискуссия о современных процессах в молодежной среде

Заявленная тема, по нашему мнению, пока не нашла адекватного по важности места на современном научном дискуссионном поле России. Отдельные публикации, однако, показывают ее научный и общественно-политический потенциал. Наблюдения ученых убеждают, что в условиях социальной неопределенности, выражающейся, прежде всего, в снижении «предсказуемости изменяющихся жизненных ситуаций» (Chuprov,

2009: 194), в российской молодежной культуре начинает намечаться смена «аксиологических знаков» (Lisovsky, 1998: 99). По мнению Ю. А. Зубок, «рост неопределенности, невозможность адекватно осмыслить стремительно изменившуюся реальность, непредсказуемость собственной жизни и, как следствие, нереализованные ожидания отражаются в социальных настроениях молодых людей» (Zubok, 2020: 10). В конечном счете все это может привести, по выражению Л. И. Кемаловой, к потере ценностных ориентиров в обществе и распаду социальных связей (Kemalova, 2012: 44). В условиях кризиса,

усиленного, с одной стороны, пандемией, с другой – санкционным давлением на страну, выражающимся для отдельного человека, прежде всего, в падении уровня жизни, все более обостряется противоречие между доступными средствами и целями современной молодежи. Иначе говоря, между жизненными целями и возможностями их воплощения. Молодежь оказывается в ситуации потери привычной для нее зоны комфорта. С учетом общих глобальных трендов актуализируется вопрос о трансформации современной молодежной культуры под воздействием данного фактора.

Вместе с тем большинство современных исследований молодежной культуры традиционно исходят из обобщенного анализа накопленных в иные периоды научных данных о российской молодежи, в основном из ее социокультурных особенностей, ментальных и поколенческих отличий периода социальной стабильности. Наблюдается тенденция к фундаментальному описанию феномена российской молодежи рубежа тысячелетий с использованием накопленного в предыдущие десятилетия социологического материала. Одними из таких крупных исследований стали монография «Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований», написанная М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги и опубликованная в 2020 г. (Gorshkov, Sheregi, 2020), и коллективная монография «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего» под общей редакцией Ю.Р. Вишневого, опубликованная в 2021 г. (Vishnevsky, 2021). В этих работах представлен многоаспектный анализ молодежи и молодежной среды в условиях современной России, который, на наш взгляд, подводит итоги больших социологических трудов, но сегодня, в ситуации сильных общественных турбулентностей, является скорее определенной ретроспективой, чем отражением наличной ситуации в молодежной культуре. Конечно, тенденции развития и динамика социокультурных изменений российской молодежи в историческом, правовом, этно-религиозном, досуговом аспек-

тах в течение нескольких последних десятилетий остаются важным основанием для продолжения исследований, они указывают на оформление в этот период новых характеристик молодежной идентичности. Однако нужно не упускать из виду и тот факт, что сегодняшние политические турбулентности и социальная неопределенность оказывают на молодежь существенное влияние и могут резко усилить или, напротив, ослабить ряд смысловых акцентов, или даже основательно изменить культурологические конструкты молодежной культуры. Это важные вопросы, на которые экспертное сообщество уже дает некоторые ответы. Так, психологи актуализировали исследования проблем психологического здоровья молодых людей под влиянием таких последствий выхода из зоны комфорта, как страх, депрессия, стресс, эмоциональное истощение и пр. (Fedosenko, 2020). В философии разворачивается дискуссия о ценностном предпочтении двух типов культуры – западной «культуры достижения» или восточной «культуры безопасности» (Kaganovsky, 2021). Обсуждаются также процессы релокации в социуме многих видов деятельности, а, следовательно, и людей, в первую очередь молодых. Появился, например, термин «ковидный дауншифтинг» (от англ. «downshifting» – переход на низкую передачу), означающий сознательное и добровольное снижение социального статуса в пользу других ценностно важных характеристик вида деятельности. Представители экономической науки при оценке экономических последствий происходящих событий ставят вопрос о выживании молодежного предпринимательства и дальнейших стратегиях DIY-культуры и стартап-культуры (Prokofiev, 2020). Изменение уровня доверия молодежи к политическим институтам общества – также предмет современных политологических исследований (Ivanov, 2021). Ученых волнуют дальнейшие возможности и ограничения цифрового обучения в условиях санкций (Safronov, 2021).

Вместе с тем при указанном разнообразии актуальных дискурсов исследования молодежи и ее культура по-прежнему пред-

ставлены в основной массе публикаций и в общественном сознании в виде традиционных культурных концептов разных эпох, обладающих (тоже традиционно) известным сходством культурных смыслов. В них молодежь всегда ассоциируется с инновациями и чем-то новым, поскольку биологическая и социокультурная гибкость дают ей возможность остро чувствовать и быстро реагировать на изменения в обществе (Omelchenko, 2019). Однако традиционные обобщения и «вневременные» культурологические концепты являются только одним из методологических аспектов анализа особенностей сегодняшнего этапа взаимодействия молодежи и российского общества. Не менее важно искать другие подходы, актуализировать другие модели осмысления молодежной ситуации. Молодежь является своего рода проекцией общества или, как отмечает Ш.И. Алиев, молодежь есть «социокультурный продукт» (Aliiev, 2016: 145). Но сложившаяся сейчас ситуация в мировом сообществе во многом уникальна, а у живущих сейчас поколений российского общества также нет опыта глобального цивилизационного противостояния. Именно в этой конкретной социокультурной реальности российской молодежи предстоит социализироваться. Надо также учесть, что нынешнее поколение 20-летних – пока слабо изученный комплекс гуманитарных наук «цивилизационный плод» визуального мышления и клипового сознания (Karlova, Serebrennikova, 2019). Поэтому можно предположить, что на первый план в молодежных реакциях и смыслах молодежной культуры сегодня могут выйти отнюдь не традиционные способы принятия реальности.

Социальная неопределенность влечет за собой существенные изменения в жизни индивидов и социальных групп, она начинает доминировать в повседневной культуре вследствие недоступных, скрытых знаний или по причине их неполноты и даже отсутствия. Культурная неопределенность затрудняет соотнесение молодым человеком собственных культурных предпочтений с ценностями общей культуры

общества. Отсюда неопределенность в социокультурном смысле повышает риск принятия ошибочных (случайных) решений, могущих повлечь за собой непредсказуемые последствия. При этом изменчивость социокультурной реальности предполагает множество возможностей рационального поведения людей, поэтому каждая социальная группа ищет свой собственный способ выхода из ситуации неопределенности. Делает это и молодежь. Не случайно в докладе Международной организации труда «Youth and COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being: Global report» («Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние») 2020 г. нашли свое отражение такие последствия пандемии, как снижение социальной активности целого поколения, актуализация молодежной НЕЕТ-культуры и появление значительной части молодых людей, которые в силу различных факторов экономического, социального или политического характера не работают и не учатся. Еще несколько лет назад никто из ученых не прогнозировал такой существенный тренд.

Социальная неопределенность затрагивает во многом именно культурные ценности российской молодежи, которые сформировались в последние годы как «культура желаемого настоящего» (Karlova, Myasoutov, 2022). Поэтому ситуация «отмены желаемого» может иметь для сложившейся молодежной культуры России экзистенциальный характер. Настоящее исследование – это попытка определить особенности трансформации современной российской молодежной культуры при выходе молодежи из зоны комфорта и уточнить различные аспекты влияния многофакторной изоляции и политической турбулентности в условиях социальной неопределенности. Для эмпирического исследования особенностей современной молодежной культуры мы привлекли 100 студентов ведущих высших учебных заведений Красноярска (от 18 до 22 лет), отобранных методом случайной выборки. Исследование проводилось в ноябре 2021 г. и марте 2022 г.

(частично результаты исследования представлены в виде стендовых докладов в рамках Международной научно-практической конференции «От научных исследований к образовательной политике», 17–18 ноября 2021 года, и XXII Красноярских краевых Рождественских образовательных чтений, 20–22 января 2022 г.). В рамках исследования нами были использованы качественные социологические методики, позволяющие вычленив ведущие смыслы молодежной культуры: фокус-группы, анкетирование, культурологическое и политологическое исследование текстов.

Выход российской молодежи из зоны комфорта (2020–2021 гг.): динамика, реакции и оценки

Российское общество, пережившее значительные системные бифуркации в 1990–2000 гг., в первые два десятилетия XXI века попало в зону относительно малой социально-экономической турбулентности. Мировой экономический кризис 2008 г. и российская военная операция по принуждению Грузии к миру не оказали существенного влияния на вектор развития ценностных ориентаций российской молодежи, который продолжил свое движение в сторону приоритетов общества потребления. На этих приоритетах и относительно высоком уровне материального благополучия, особенно в российских городах, выкристаллизовалась в своих основных чертах молодежная «культура желаемого настоящего». В ее недрах было сформировано целиком и полностью как минимум одно поколение российской молодежи, большинство которого вступило сегодня в пору своего студенчества. Поколение клипового сознания и визуального мышления, оно оказалось и первым молодежным поколением России, полностью сформированным под воздействием новой технологической реальности, которая стала одним из системообразующих кодов современной молодежной культуры (Karlova, Myasoutov, 2021).

Первым очевидным этапом выхода этого поколения из зоны относительного комфорта оказалась пандемия новой коро-

навирусной инфекции, начавшаяся в 2020 г. В ходе социологического исследования, проведенного среди студентов вузов г. Красноярска, 70 % опрошенных утверждали, что их привычные занятия в этих условиях изменились. 44 % отметили, что сократили свое участие в привычных молодежных тусовках, а 51 % – ограничили общение с семьей и друзьями. Хотя опрошенные студенты в своем большинстве отрицают, что испытывали панику (92 %), об общем повышении тревожности молодых людей в период пандемии убедительно говорит то, что 53 % респондентов хотели бы вернуться в допандемийный период, а 90 % считают пандемию реальной угрозой для человечества, хотя только 10 % опрошенных реально коснулась в этот период личная потеря близких или их тяжелая болезнь.

Существенно, что половина респондентов тяжело перенесли сам режим пандемийных ограничений, столько же уверены, что переоценили в этот период какие-то стороны своей жизни. Чтобы установить контуры данной переоценки, были проведены фокус-группы, которые показали: ценностный крен российской молодежной культуры от реальной жизни в сторону «жизни виртуальной» в этот период значительно усилился. Так, на вопрос «Стали ли Вы во время пандемии коронавируса думать об окружающих людях лучше?» 95 % студентов ответили отрицательно. Но эти ответы, как показали обсуждения, стали следствием не столько социального пессимизма, сколько именно усиления «виртуализации жизни»: студенческая молодежь вообще стала меньше задумываться о реальных событиях и окружающих людях. Внимание студентов в значительной мере сконцентрировалось вокруг новой технологической реальности. Если два года назад студентами только определялись контуры идеального общества как реального политического интернета (Karlova, Myasoutov, 2020), то уже в начале 2022 года 98 % респондентов высказали убеждение, что после пандемии мир вступил в пору стремительного развития онлайн-жизни (образования, развлечения, общения). Можно сказать, что

ценностный вектор новой технологической реальности, сформировавшийся в прошлое десятилетие в молодежной культуре, на сегодняшний день уже стал системным ядром субкультуры российского студенчества. Это, на наш взгляд, во многом определило те тренды, которые субкультура продемонстрировала на втором, уже качественно ином этапе выхода из зоны комфорта. Мы говорим об этапе, который наступил после февраля 2022 г. с началом специальной военной операции на Украине.

Современные политические смыслы и фантомы студенческой субкультуры

Можно сказать, что среди российской молодежи на настоящий момент сформировались разные по численности группы, различающиеся своим восприятием происходящих политических событий и реакцией на них. Первая большая группа, которую можно уже назвать общностью, – молодые люди из Донбасса и русскоязычной Украины, пережившие военные действия во всех их проявлениях, а также российские воины, побывавшие в боевой обстановке. Это большое число молодых людей, которые, получив повестку или добровольно, приняли решение отдать свой воинский долг Родине. К этой группе относятся также волонтеры спецоперации, оказывающие гуманитарную помощь населению в районах боевых действий и беженцам, и многие молодые лидеры идеологического фронта «русского мира». Личная позиция молодых людей из патриотического крыла российской молодежной культуры носит оформленный гражданственный характер, они объединяются вокруг последовательной политической позиции и поддержки российской армии. В этом крыле молодежной культуры России активно формируются гуманитарно-культурные и гражданские практики помощи фронту и прифронтовым территориям. Культурное наполнение практик основывается как на новом патриотическом контенте, созданном в годы борьбы народов Донбасса за независимость, так и на традиционном патриотическом наследии советской и российской культуры, что

способствует устойчивой консолидации этой части молодежи с российским обществом в целом.

Существует и другая часть молодежи России, гражданская позиция которой на сегодняшний день слабо оформлена. Доказательство тому – не только сюжеты о потоке молодых мужчин у границ страны в первые дни частичной мобилизации. Расслоение характерно и для настроений в среде российского студенчества. Освобожденные в период обучения от мобилизации, студенты не были поставлены перед немедленным политическим и гражданским выбором, однако это не значит, что такой выбор не осуществляется.

Социологическое исследование показало, что такая, характерная для «пандемийного этапа» черта, как выход студенческой молодежи из зоны комфорта, дистанцированность от реально происходящих событий, продолжает укрепляться. Как оказалось, в красноярских вузах две трети студентов не интересуются ходом военной операции на Украине (64 % опрошенных), а это значительное число даже при том, что ответ «не интересуюсь» может быть продиктован защитной реакцией на «неудобный» вопрос. К тому, чем объясняется «неудобность» этого вопроса, мы еще вернемся, а пока уточним, что в принципе низка вовлеченность студентов во все актуальные общественные процессы: большинство опрошенных не имеет опыта волонтерских и гуманитарных акций (77 %), только четверть студентов указали, что их затронули санкции Запада против России (24 % опрошенных). Это не значит, что студенты об этом не размышляют: 41 % все же считает, что санкции в отношении нашей страны могут в будущем стать для них серьезным препятствием, а 57 % просто уверены, что они скажутся на их личном материальном положении. Но созерцать реальность и деятельно участвовать в ней – вещи разные: очевидно, что дистанцированность от актуальных политических практик и событий как характерная черта студенческой субкультуры в данный момент играет важную роль в трансформации тех или иных поли-

тических предпочтений студенческой молодежи в практические действия.

А политические предпочтения красноярского студенчества также различны. Большая часть респондентов – 59 %, – проявляя аналитичность и самостоятельность суждений, считают, что обмен санкциями с Западом будет иметь для России и положительные последствия. Источник формирования представлений о «российских интересах», на наш взгляд, лежит в положительном ответе на вопрос: «Разделяете ли Вы ценности своих родителей?» (62 %). Этот показатель в определенной мере верифицируется тем, что 66 % опрошенных заявили о своем стремлении искать поддержку в случае серьезных изменений в стране и мире именно у семьи и родственников. Скорее всего, эта часть опрошенных относится к тем 77 % респондентов, которые отметили, что даже не задумывались о том, чтобы уехать из России – временно или навсегда. Высказывания в фокус-группах и молодежных пабликах показывают, что для многих является важным фактор угрозы стране и российскому народу со стороны так называемого коллективного Запада и это влияет на осознание ими враждебных целей антироссийской информационной кампании. Заметим, что эта позиция часто далека у молодежи от идеологического оформления: скорее это «предчувствие экзистенциальности» обнажившегося конфликта России и Запада. На формирование такого восприятия могут оказывать влияние многие факторы – от позиции семьи до «эмоциональных всплесков» национальной гордости и общественного единения. Все это вместе или по отдельности стимулирует поиск этой частью студентов информации из разных источников и желание как-то проявить свое сочувствие событиям публично. Имеющим лидерские задатки это вполне удается.

Иное дело – не-лидерское большинство в студенческой среде: оно на данный момент ориентируется на традиционный молодежный культурный мейнстрим 2010-х гг., и это существенно мешает его представителям открыто проявлять патриотиче-

ские настроения на бытовом уровне и в молодежных коммуникациях. В этом – одна из причин восприятия вопросов о спецоперации на Украине как «неудобных», которые как бы заставляют «раскрыться» и «определиться». Необходимо принимать во внимание, что студенчество – относительно изолированная молодежная среда с довольно устойчивым кругом общения даже в период социальных ограничений. Так, на вопрос: «Растеряли ли Вы в период пандемии контакты с кругом своих знакомых?» 97 % респондентов ответили отрицательно. В отличие от «производственной» или «офисной» молодежи, активно контактирующей с представителями других поколений и испытывающей их влияние, студенты (особенно оторванные от семейного быта и традиций) замкнуты на свои собственные коммуникационные процессы. Преподаватели в данном случае стоят особняком, поскольку идентификация современной студенческой субкультуры связана в том числе с ее неантагонистичным противостоянием преподавательскому сообществу.

Поэтому позиция небольшого по численности, но заметного слоя прозападно настроенных студентов (а также популярных блогеров и артистов) оказывает существенное влияние на не-лидерское большинство. Заметность проявляется в основном в отстаивании ценностей сформированного ранее в нашем обществе прозападного «молодежного мейнстрима» и потребительских культурных образцов. Хотя мало кто из опрошенных красноярских студентов бывал в Европе или США (10 % опрошенных), и ограничения на поездки туда волнуют только 1 % респондентов, уход с российского рынка зарубежных элитных брендов назвали ощутимым для себя 28 %, как и дефицит западных товаров массового потребления (27 %), а опасения по поводу ограничения поставок зарубежной электроники вызывают серьезный дискомфорт у 34 % опрошенных. И это еще удивительно немного, учитывая, как широко внедрилась в сознание современной молодежи связанная со «светлым» образом Запада «культура желаемого настоящего».

Всем, кто мониторит паблики, хорошо известны способы борьбы за сохранение у молодежи доминирования привычных западных ценностей: прежде всего это «запугивание» мировой отверженностью, «культурой отмены» и отлучением от «модного стиля жизни», троллинг «доморожденных» патриотических настроений вкупе с «ушатом информационной грязи». Подогревается также желание вернуться в зону комфорта «культуры желаемого настоящего», а оно пока довольно сильное: 79 % опрошенных надеются, что экономические, культурные, спортивные связи России с Западом в 2023 и последующих годах восстановятся хотя бы частично. В их представлении это, пожалуй, безальтернативно: 88 % не видят перспективы построения равноценных связей, например, со странами БРИКС.

Не обходится в молодежных пабликах без спекуляций на тему вечного недоверия молодежи к официальным «ангажированным» российским СМИ. Все в лучших традициях «хайли лайкли»: никто ничего не аргументирует и не анализирует, при этом никого не смущают масштабы финансирования информационной войны со стороны Запада. Налицо – «образцы мышления», продвигаемые в молодежную среду для воспроизводства традиционных стереотипов. Учитывая относительную консолидацию российского общества и последние изменения в законодательстве, такие «молодежные акции» в социальных сетях все чаще носят анонимный характер или маскируются. В целом в вузовских коммуникациях последних месяцев молодежь стала менее откровенна, опасаясь, видимо, не только попасть под троллинг, но и ответить на вопросы «не правильно» с официальной точки зрения. Например, учитывая все вышесказанное, «монолитный» утвердительный ответ опрошенных студентов на вопрос: «Важна ли Вам история страны, в которой Вы родились?» (96 %) стоит в половине случаев рассматривать как недостоверный. Дело в том, что это утверждение не верифицируется такой же тотальной поддержкой позиции России в мире. Напротив, в ряде высказываний студентов

читается явный приоритет собственных желаний и переживаний перед тревогами за судьбу страны. Половина респондентов утвердительно ответили на вопрос: «Испытываете ли Вы депрессию при мысли о возможных изменениях Ваших планов?», при этом 51 % не чувствуют уверенность в завтрашнем дне, а 84 % заявляют о неготовности к тому, что мировая история может сделать крутой поворот и нарушить привычный вектор сложившихся ценностей и карьерных устремлений. Но и ответ «История моей страны мне не важна» выглядит сегодня для студентов как открытый вызов российскому обществу, вызов, которого мейнстрим студенческой культуры старается сегодня избегать.

Можно констатировать, что сформированная в России молодежная «культура желаемого настоящего» с доминированием западных потребительских ценностей пассивно и осторожно, но упорно сопротивляется реальности происходящих политических событий. Возможно, в полной мере осознавая это (и в известной мере разделяя за это ответственность), российские власти в моменте не подталкивают процессы «общероссийской консолидации» в студенческой среде, позволяя им созреть «изнутри». Особенно с учетом позиций некоторых преподавателей высшей школы. В этой выжидательной ситуации важно правильно оценивать не только количественные данные актуальных социологических срезов в молодежной среде, но главным образом мотивы, которые движут молодыми людьми, и важные знаки молодежной культуры, которые «работают» при формировании тех или иных предпочтений. Представление об этом дают комментарии и оценки студентов. Вот, к примеру, студентка выпускного курса в своей выпускной квалификационной работе 2022 года (Komarova, 2022) описывает имиджи политических экспертов Владимира Соловьева и Алексея Арестовича. Это именно описание с позиций молодежных впечатлений и стереотипов, в связи с чем цитаты из данной выпускной квалификационной работы репрезентативны для исследования поли-

тического образа реальности в нынешней российской молодежной культуре. Вот выдержки из ее цитаты о Владимире Соловьеве: «В ряде научных публикаций Соловьев характеризуется как пропагандист. Такая оценка не случайна. Если анализировать контент телеведущего, то можно заметить явные приемы пропаганды. Можно выделить наиболее яркие примеры: деление мира на «своих» и «чужих», демонизация врага, это когда противники «звери», «нелюди» и так далее, с помощью этого приема можно оправдать любые действия в их сторону, ведь они так ужасны и бесчеловечны. Стереотипизация, а также ряд других приемов (...ложная альтернатива, искажение информации и др.), позволяющих выстроить в головах публики нужную картинку... Вместе с тем он доносит свои мысли и доводы так убедительно, что зачастую интересен людям, даже далеким от этой темы. Почему так происходит? В основе личного бренда ведущего заложен архетип мудреца-героя. За счет чего у Соловьева получается выстроить такой образ? В первую очередь это внешний вид и удачно подобранные коды коммуникации... Например, во всех своих программах он появляется в пиджаках определенного фасона: с высоким воротником, сам Владимир в одном из своих интервью назвал это «стилем гуру». Также нельзя не заметить еще один из атрибутов – дорогие наручные часы» (Komarova, 2022: 50). В целом в высказывании студентки обращают на себя внимание следующие оценки: важность креатива в манере одеваться и выборе аксессуаров, практически абсолютная неважность (до скуки) верификации реально происходящих событий. Ее восприятие нечувствительно к фактологическому наполнению приводимых в блогах аргументов и бэкграунду политического эксперта. И что самое главное: полностью игнорируются цель высказываний эксперта и сторона противостояния, которую он представляет. Основной способ оценки – маркировка согласно бытующим в студенческой субкультуре стереотипам.

Теперь приведем ее же цитату об Алексее Арестовиче: «Если сравнивать контент

данного блогера с предыдущим, то можно сказать, что у Арестовича он разнообразнее. Это не только новостные сводки и видеоролики с обсуждениями, но и текстовый вариант высказывания своих мыслей, юмористические фото- и видеоролики, интервью. Стоит отметить характерную черту политика – спокойный тембр голоса, порой даже самые эмоциональные и серьезные вещи он говорит мягким, почти убаюкивающим тоном. Если говорить об образе в целом, то его личный бренд завязан на архетипах искателя, мудреца, а иногда и шута. Как искатель он призывает подписчиков не бояться трудностей... Мудрец отличается интеллектуальностью, грамотностью и высокой степенью аргументации суждений, подходит к проблемам рационально. Шут сопровождает все это некоей оптимистичностью. Политика и спецоперация далеко не самые веселые истории, но он умеет сухие факты и расчеты дополнить спокойным тоном голоса, а также юмором, который помогает усваивать информацию гораздо лучше, так что манера подачи играет важную роль в его имидже» (Komarova, 2022: 52–53). Это цитата еще раз подтверждает, что для студентки на первом месте креатив: в данном случае изобретение индивидуальной манеры говорить и эмоционально-личностная интерпретация событий вплоть до шоковых заявлений и «стеба». Для нее важны также разнообразие контента в целом и в особенности наличие большого уникального контента (в отличие от репостинга событий с передовой или других «официальных новостей»), а также ролевое разнообразие позиций Арестовича («искатель», «мудрец», «шут») – в противовес одной выбранной Соловьевым позиции («мудреца-героя»). Заметим, что негативный маркер «пропагандист» применяется студенткой лишь к Соловьеву, хотя «не-пропагандист» Арестович, которого она считает политиком, точно так же делит украинцев и русских на «своих» и «чужих», точно так же «демонизирует врага» и так далее. Еще раз обратим внимание на безразличие к целям контента Арестовича, как и к тому, на чьей стороне блогер выступает. При этом, судя

по выводам работы, студентка считает себя «объективной» и находящейся, как она полагает, политически «над схваткой». Но так ли это на самом деле?

Фактически в представленном тексте объективный анализ отсутствует: из блогерского контента студентка просто считывает знаки, соответствующие стереотипам молодежной «культуры желаемого настоящего». Заметим, что в контексте этой культуры в последние годы обрела особый ореол коммерческая успешность профессии блогера (стереотип «Золушка – Принцесса»). Именно поэтому на пути потенциального покорения искомым «потребительских» вершин очень привлекательным оказывается захватывающий карьерный рост «золушки»- Арестовича, который успешно перескочил из театра в первую десятку популярных «голосов» западного мира. Привлекательно и то, как блогер изрекает с позиций «демократичных эльфов» некие «истины об орках»: изрекает загадочно, вкрадчиво, с ленцой, и – что главное для «эльфов» и существенно для подражающих им – пренебрежительно и свысока.

Понятно, что подменяя политический стандарт мышления и высокую человеческую «себестоимость» политической рекламы обычной блогерской шкалой успешности, Арестович формирует в молодежной культуре приемлемый симулякр политика. Мы уже установили, что у российского студенчества слишком небольшой опыт политических коммуникаций. Получается, что они «включают» единственный реально существующий и доступный им опыт коммуникативно-коммерческих практик в виртуальной среде. Этот опыт говорит им, что в «сетевой успешности» бэкграунд человека не важен: «прикольно» как раз то, что «из грязи в князи».

А ведь в данном случае бэкграунд Арестовича имеет решающее значение: он прежде всего актер и неплохо транслирует набор привлекательных для молодежи внутренних состояний и определенных выразительных качеств. Арестович (и не он один в украинском истеблишменте) «играет» политического эксперта, выдумывая на ходу

факты и креативные монологи. Возможно, играет неплохо. Но вопрос, откровенно говоря, в другом. Почему большому числу российских молодых людей не важно, что он именно играет, а не является политическим экспертом или политиком? Более того: почему большому числу наших студентов не важно, что он играет против России?

«Кинематографические сценарии» политической реальности и молодежная культура: гипотезы и интерпретации

Молодежная «культура желаемого настоящего» по западным образцам формировалась в последние десятилетия на всем постсоветском пространстве, но с известной спецификой. На Украине, особенно после 2014 г., топовым принципом агрессивного политического воспитания молодежи стала «анти-российскость», подпитываемая евроэлитарностью и квази-исторической обоснованностью претензий на нее. Как мы видим сегодня, в идеологическом противостоянии на этот раз была сделана ставка на «кинематографический» сценарий и профессиональных продюсеров. Отсюда органичная молодежному восприятию форма эмоционально-образной упаковки для «доставки» молодому потребителю. Так, известная украинка с серпом и символическим русским пленным полностью отвечает требованиям поколения постмодерна. В этом политическом сюжете есть яркие национальные знаки (пейзаж, одежда, венки, серп) и тревожащий постмодернистский «шоковый контент» (пятна на лице, портящие в целом миловидные черты; черные цветы и перья в венке; манера речи; животная жестокость демонстрируемого убийства). Как формат интернет-трансляции этот ролик рассчитан на некритически-эмоциональное восприятие и эксплуатирует экранный «эффект туннеля». Через «эффект линзы» максимально использованы возможности для драматизации. Такие симулякры документального отражения действительности, учитывая восприятие в моменте (минимальное время

актуальности ролика в сети) и отсутствие запретов со стороны здравого смысла, на поверку оказываются исключительно эмоционально-идейной игрой фантазии. Отметим: художественная игра творческих людей с действительностью веками не требовала признания себя за реальность. Но не в XXI веке. И не на Украине.

Уникальность политического эксперимента, которому мы являемся свидетелями, в том, что уже минимум полгода через экран средств массовой коммуникации на большей части Украины, а также в странах Запада транслируется более-менее монолитная виртуально-художественная политическая картина по «кинематографическому сценарию», требующая признания себя за действительность. Коллективные авторы создали и развивают свой информационный «шедевр». В своих крайних проявлениях это становится уже не просто интерпретацией реальности, знакомой нам по принципу «у каждого – своя правда», но прямой подменой действительности. Главная ставка – на тотальный идеологический контроль и новые виртуальные технологии, которые, к слову сказать, являются неотъемлемой составляющей именно молодежной культуры. Слова Раймонда Прайса, автора речей президента США Ричарда Никсона, еще в XX в. звучавшие шокирующе, в век виртуализации реальности воспринимаются как самоочевидность: «Выбор избирателя не имеет отношения к реальности, он вызван лишь особой «химической реакцией» между избирателем и образом кандидата. Выбор относится именно к образу, а не к человеку, поскольку у 99 % избирателей не было и не будет контакта с кандидатом. Засчитывается не то, что есть на самом деле, а то, что проецируется на экран. Притом не то, что сам кандидат проецирует, а то, что воспринимает избиратель. Поэтому мы должны изменить не кандидата, а получаемое от него впечатление» (Nikolaev, Geraskin, Borisov, 1999: 4). Сегодня, когда большинство человеческих практик в образовании, медицине, культуре существуют дистанционно в виртуальном пространстве, молодежь менее всего

волнует опосредованность взаимодействия населения и политиков, которая чревата политическим обманом и международными потрясениями. Молодежное восприятие – это именно «химическая реакция» по принципу «нравится – не нравится», отвечает или нет знакам и кодам сформировавшегося тренда молодежной культуры. В этих условиях в большой политике становятся важны не бэкграунд и личные возможности политиков, и даже не объективные ожидания социальных групп. Определяющим является масштаб финансирования, который позволит команде политических проектировщиков формировать нужные ожидания населения стран с помощью создания «реальности» и тотального идеологического контроля.

Понятно, что возможности перевоплощения в соответствии с любыми ожиданиями максимально высоки у профессиональных актеров. Еще в XX в. Дэвид Герген, создатель имиджей президентов США Ричарда Никсона, Джеральда Форда, Джимми Картера и Рональда Рейгана, подчеркивал: «Пресса судит о президенте как об актере. Насколько хорошо он справляется с ролью? Хорошо ли он произнес речь? Сделал ли он за день что-нибудь яркое? И команда президента учитывает этот подход прессы. Поэтому вместо того, чтобы задаваться вопросом: как мы изменим то-то и то-то в жизни людей, мы озабочены другим: как мы упакуем предложение президента, чтобы оно впечатлило прессу и народ» (Nikolaev, Geraskin, Borisov, 1999: 6). Имидж президента Рейгана, в прошлом актера, считается в США одним из самых удачных. Не поэтому ли мы стали в XXI веке свидетелями уникального «голливудского» проекта Запада, когда на политическую сцену Украины были ангажированы именно актеры, включая ангажемент на роль президента? В «кинематографическом» политическом проекте это вполне возможно, даже логично.

После всего обозначенного стоит ли удивляться, что такая наиболее дистанцированная от политических событий в стране и мире часть российской молодежи, как

студенчество, время от времени подключаясь к виртуальной политической фейк-реальности, воспринимает происходящее отстраненно, по законам кинематографического жанра? Такая «не совсем реальность» наблюдаемого ряда событий, сопровождаемых драматизацией и стебом, как мы полагаем, вызывает со стороны студенческой субкультуры понятные реакции, особенно при дефиците информации из других источников. Первая реакция – это вполне резонное восприятие проекта как «действительности понарошку». И вторая, с ней связанная – привычная иллюзия пребывания «над схваткой», как бывает при просмотре очередного голливудского блокбастера, на которых это поколение воспитано в гораздо большей степени, чем на патриотических фильмах о событиях Великой Отечественной войны.

Заключение

Как известно, важнейшими условиями формирования образа реальности является способность адекватно отражать саму объективную реальность и возможность проверять собственное познание практикой. С первым из этих условий в эпоху новой технологической реальности происходят серьезные метаморфозы: то, что отсутствует в доступном людям информационном пространстве, они считают несущественным или даже несуществующим. Такому положению дел в сознании российской молодежи объективно способствовали пандемийные ограничения: выход из зоны привычного комфорта на первом этапе заставил большинство студентов искать выход в возможностях виртуального мира. Некоторые эксперты видят в этом своего рода «генеральную репетицию» перед нынешним глобальным экспериментом Запада по контролю над «образом реальности» в головах людей. Как бы то ни было, западные политики сегодня уже не только формулируют законы, правила и даже нередко фейки, опираясь на политическую власть, но и жестко контролируют объемы, темы и интерпретацию распространяемой информации. Мир сегодня убедился,

что создать и даже контролировать фейк-реальность определенное время на определенной территории вполне возможно.

Но закон верификации образа реальности практикой никто пока отменить не сумел: чтобы фейк-реальность была эффективно присвоена общественным сознанием, ее образцы все же необходимо деятельно закреплять. На Украине, к примеру, после 2014 г. для этого массово запустили определенные социокультурные практики. В Европе русофобские практики были не столь интенсивными и по времени не такими долгоиграющими, так что эффект получился значительно менее выраженным. Дело в том, что позиция наблюдателя при отсутствии тотального контроля за информационным полем оказывается равноудаленной от разных фрагментов транслируемой реальности, попадающих в информационный горизонт, что дает возможность верификации и выбора – в зависимости от собственных интересов. Смотреть постановочное политическое «реалити-шоу» любопытно, пока дело не дойдет до угрозы собственному благополучию.

Для российской молодежи, которая, в силу интернет-доступности «кинематографического проекта», время от времени «ныряет» в эту политическую «реальность», ситуация выглядит двойственной. Два разных политических образа реальности в идеале требуют каждый своей верификации. Однако «западные истины» слишком долго в нашем обществе принимались априори. Дело усугубляется тем, что в культуре сегодняшнего российского студенчества как поколения, формировавшегося в основном в условиях «зоны комфорта» и широких международных контактов, не привычен «образ врага». Он даже чужероден, поскольку воспринимается как рудимент времен «холодной войны». Таковыми же советскими рудиментами, далекими от потребительских знаков «культуры желаемого настоящего», кажутся многим студентам понятия «патриотизм», «национальное единство», «исторические традиции». В этом смысле они пока для студенческого крыла молодежной культуры «непривыч-

ны», и в этом вторая причина того, почему прямые вопросы о них в настоящий момент не удобны. Но, на наш взгляд, их все-таки необходимо задавать, поскольку выход из мировоззренческого тупика актуален, а обнажившееся экзистенциальное противостояние Запада и России игнорировать тоже невозможно.

Пока студенческая молодежь, как показывает социологическое исследование, справляется с этой дилеммой единственным способом, которым оно практически и в совершенстве овладело: дистанцированием и принятием новых образов политической реальности по законам реальности виртуальной. Отсюда и молодежная оценка контента политических блогеров по законам кинематографии: важно как выстроен кадр и как выглядит человек. Затем оценивается, как он себя ведет и как говорит. А учитывая «моментальность жизни» поста или ролика, до анализа того, что именно говорит этот политик, дело обычно не доходит. На что и расчет главных «кинематографистов». Они рассчитывают также на сформированные за полтора века развития мирового кинематографа, а потом и интернета, такие реакции публики, как упрощение, стереотипизация и достроение до целого – известные инструменты визуального мышления и клипового сознания. Вот студентка и упрощает неприятного ей блогера до маркера «пропагандист». Положительное эмоциональное впечатление от бытовой примитивности суждений, шокового контента и стеба другого блогера оправдывается ею в ходе подбора рациональных аргументов: например, рассуждений о том, что юмор в политических комментариях к военным действиям полезен (при этом, почему и кому именно он полезен, когда речь идет о реальной, а не кинематографической гибели тысяч людей, остается без ответа).

Именно в «кинематографичности» политического проекта Запада на Украине во многом кроется, как нам представляется, секрет отношения к нему мейнстрима российской студенческой субкультуры.

Именно той части студентов, которая привыкла к действиям в виртуальной реальности и не вовлечена в практики, где можно было бы верифицировать важность нового российского патриотизма и новой роли России на мировой арене. Эта часть молодежи пока не видит себя в них, не может очертить контуры своей «траектории успешности» в наступающей картине мира. Это, по нашим оценкам, основной источник тревоги и неуверенности российских студентов на втором этапе выхода из зоны комфорта. И это основной тормоз для перевода «предчувствия экзистенциальности» конфликта с Западом в оформленную гражданскую позицию. При этом сфера политики, отвечающая за власть-подчинение, ожидаемо непопулярна у студентов, что традиционно сопровождается инфантильным игнорированием того простого факта, что подчинение и ограничение в том или ином виде есть не только в собственной стране, но и в любой стране мира.

На данный момент в целом терпимое отношение в российском обществе к условиям доступа молодежи к различной политической информации стоит расценивать не столько как «идеологический пробел», сколько как шанс самостоятельно разобраться в своих политических смыслах и приоритетах. Хотя есть и реальные формы помощи в этом непростом процессе – и это, разумеется, никак не дежурные заформализованные политинформации, на которых советское общество уже «обожглось» в период «застоя». Нужны откровенные личные контакты с молодыми людьми. Нужны условия для прямо-таки шквала реальных студенческих практик, приносящих общественную пользу и прорисовывающих профиль будущего. Мы полагаем также, что те из депутатов Государственной Думы, кто считает, что делу практического приобщения к политике очень помогут поездки студентов в разрушенные города Донбасса – в составе студенческих строительных отрядов или в порядке студенческого обмена, – может быть не так уж далеки от истины.

Список литературы / References

- Aliev Sh. I. Life design of Russian youth in the context of challenges and risks of the information age. In: *Gumanitarii Iuga Rossii*, 2016, 1, 142–151.
- Chuprov V. I. Youth: self-regulation as an anti-crisis strategy, *Social policy and sociology*, 2009, 2, 44, 194–206.
- Fedosenko E. V. Life after quarantine: Psychology of Meanings and coronavirus COVID-19. In: *Psychological problems of the meaning of life and acme*. Moscow: Psychological Institute of RAO, 2020. 315 p.
- Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research*. Moscow, FNISTC RAS, 2020. 688 p.
- Ivanov M. The coronavirus pandemic has changed the public mood of Russians. They have not transformed for the better, *The sociology of the pandemic. The coronaFOM Project*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation (inFOM), 2021. 319 p.
- Kagansky V. Covid raised the question of what methods to comprehend the ongoing modernity. In: *The sociology of the pandemic. The coronaFOM Project*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation (inFOM), 2021. 319 p.
- Karlova O. A., Myasoutov O. V. Culture of modern Students: the leading meanings of the Political Myth. In: *Bulletin of SPbGIK*, 2020, 2, 43, 132–139.
- Karlova O. A., Myasoutov O. V. Youth Political Myth as a Symbiosis of Youth Culture and New Technological Reality. In: *Myth in history, politics, culture*. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2021. 576 p.
- Karlova O. A., Myasoutov O. V. Modern Youth Culture in the Discourse of Fyodor Dostoevsky's Philosophizing. In: *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2022, 15, 2, 254–264.
- Karlova O. A., Serebrennikova A. D. Education and challenges of the visual-clip era. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2019, 3, 2, 3–17.
- Kemalova L. I. Marginality of the society of the transition period. In: *Generations in history: rhythms of spirituality*. Simferopol, IT «Arial», 2012. 564 p.
- Komarova A. V. *Personal branding in social networks: main trends, evaluation by Krasnoyarsk users and development trends: bachelor's final qualifying work*, 2022. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/148529> (date of application: 10.10.2022).
- Lisovsky V. T. Dynamics of social changes (experience of comparative sociological studies of Russian youth). In: *Socis. Sociological research*, 1998, 5, 98–104.
- Nikolaev A. Yu., Geraskin S. V., Borisov I. V. *The Phenomenon of the image of a politician*. Novosibirsk, Novosibirsk School of Civil Society, 1999. 150 p.
- Omelchenko E. L. Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique. In: *Public opinion monitoring: economic and social changes*, 2019, 1, 149, 3–27.
- Prokofiev A. Consequences of the pandemic vs values: who's who?, *Information portal Polit.RU*, 2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/06/24/newideaspandemic/> (date of application: 08.10.2022).
- Safronov I. A conversation about the vector reality in the conditions of a pandemic, the specifics of an emergency «remote» and the possibilities of adaptation to changes through mutual support. In: *The sociology of the pandemic. The coronaFOM Project*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation (inFOM), 2021. 319 p.
- Vishnevsky Yu. R. *Young people about the future of Russia and about themselves: the challenges of the present and the construction of the horizons of the future*. Yekaterinburg, Ural University Publishing House, 2021. 372 p.
- Zubok Yu. A. Youth: life strategies in the new reality. In: *Public opinion monitoring: economic and social changes*, 2020, 3, 157, 4–12.